

07 1 6 5 0 1 - /

Казанский Государственный Университет

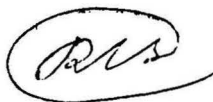
На правах рукописи

ИБАТУЛЛИН Роберт Уралович

**АММИАН МАРЦЕЛЛИН:
ПРОБЛЕМЫ БИОГРАФИИ
В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ**

Специальность 07.00.03 – всеобщая история
Древний мир

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Казань
2000

0716501-1

Казанский Государственный Университет

На правах рукописи

ИБАТУЛЛИН Роберт Уралович

**АММИАН МАРЦЕЛЛИН:
ПРОБЛЕМЫ БИОГРАФИИ
В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ**

Специальность 07.00.03 – всеобщая история
Древний мир

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Казань
2000

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
КФУ

0000947926

Работа выполнена на кафедре археологии, истории древнего мира и средних веков исторического факультета Башкирского государственного университета.

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Лукиянов Юрий Викторович.

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор Казанского государственного педагогического университета Ременников Алексей Михайлович;
кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета Ермолова Ирина Евгеньевна.

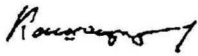
Ведущая организация: Башкирский государственный педагогический институт, кафедра всеобщей истории.

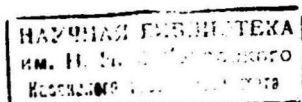
Защита состоится «18» мая 2000 г. в 10 часов на заседании диссертационного Совета Д.053.29.06 при Казанском государственном университете по адресу: 142008, Казань, ул. Кремлевская, 18

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале научной библиотеки КГУ им. Н. И. Лобачевского.

Автореферат разослан «14» апреля 2000 г.

Ученый секретарь диссертационного
Совета
кандидат исторических наук, доцент

Кашафутдинов Р. Г.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ. Диссертация посвящена исследованию биографии выдающегося римского историка Аммиана Марцеллина, рассматриваемой в тесной связи с общеисторическими социальными и культурными явлениями, характерными для Римской империи IV в.

Актуальность работы. Биографическое исследование в современной науке – это не просто рассказ о чьей-либо жизни, но средство выявить характеристики общества через особенности поведения и мышления одного из его представителей. «Контекст эпохи» с необходимостью должен присутствовать в подобном исследовании. Если говорить об Аммиане Марцеллине, то его научная биография, отвечающая современным представлениям об этом жанре, должна включать в себя в значительном объеме историю императорской власти, бюрократии, внутренней борьбы, политической идеологии, армии, войн, массового сознания, религии и литературы Римской империи 2-й пол. IV в. Биографические данные об Аммиане в подобном исследовании послужат центральной осью, вокруг которой (и в неразрывной связи с которой) выстроится весь сюжет.

Для того, чтобы работа такого типа могла быть написана, в первую очередь необходимо реконструировать в максимально доступных подробностях личную биографию Аммиана, обозначить ее узловые точки и пути, по которым она может быть связана с современными ей процессами общеисторического значения. В должной мере этого до сих пор не было сделано исследователями, что и придает актуальность настоящей работе.

Цель работы, таким образом – создание основы для написания полномасштабной биографии Аммиана, в которой личные особенности его поведения и мышления послужили бы средством для выявления общезначимых характеристик его эпохи.

Исходя из этой цели, мы ставим перед собой следующие конкретные *задачи*:

- реконструкция жизненных фактов Аммиана;
- реконструкция его представлений о различных сторонах жизни современной ему эпохи;
- выявление связующих линий между биографией Аммиана и историей римского общества его времени.

Привлекаемые нами *методы* достаточно разнообразны, что связано с необходимостью дифференцированного подхода к материалу в свете поставленных задач. При реконструкции фактов (гл. I) мы применяем традиционные для антиковедения методы конкретно-исторической интерпретации данных путем критического анализа источников. При реконструкции же представлений (гл. II)

мы пользуемся различными приемами литературоведческого анализа текста «Истории».

Научная новизна работы заключается во введении в оборот новых источников, в широком использовании новых методов, в освещении множества различных вопросов, ранее не привлекавших внимания.

Практическое значение диссертации заключается в том, что собранный материал, основные выводы и отдельные ее положения могут быть использованы при разработке различных проблем римской и ранневизантийской истории, а также в образовательном процессе при создании учебных пособий, подготовке и чтении общих и специальных курсов и практических занятий.

Апробация работы. Основные положения диссертации были изложены в докладах на постоянно действующем семинаре «Древности Евразии» кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков БашГУ, на XI Сергеевских чтениях кафедры истории древнего мира МГУ (Москва, 1999), на международной конференции «История и филология на рубеже веков: проблемы научной и образовательной интеграции» (Петрозаводск, 2000), а также в указанных ниже публикациях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, соответствующих основным проблемно-тематическим направлениям исследования, заключения, приложения, списков использованных источников, использованной литературы и сокращений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение содержит краткую характеристику работы, включающую обоснование ее актуальности, научной новизны и практической значимости, формулировку целей и задач.

В этом же разделе дана общая характеристика исследуемого источника – «Истории» (Res Gestae) Аммиана Марцеллина. Рукописная традиция текста небогата; все существующие издания основываются на единственной полной рукописи, Фульдской или Ватиканской (IX в.), а также на немногих дошедших отрывках более ранней Герсфельдской. «История» состоит из 31 книги и изначально охватывала период времени с 96 по 378 гг. н. э. (31.16.9)¹, однако первые 13 книг были утеряны (видимо, еще на протяжении V в.), и в сохранившейся части «Истории» повествование начинается с 353 г. Местом написания сочинения был, несомненно, Рим. Датировка вызывает ожесточенные споры, но можно утверждать с

¹ Здесь и далее по всему тексту при ссылках на «Историю» Аммиана Марцеллина приводятся только номера книги, главы и параграфа.

уверенностью, что первую часть «Истории» (до кн. 25) Аммиан закончил в 390-391 г.; после перерыва работа была возобновлена, и книги 26-31 он завершил между 391 и 396 гг. Что касается источников, то Аммиан использовал главным образом собственные наблюдения и рассказы очевидцев, а также рапорты и другие официальные документы (особняком здесь стоят многочисленные экскурсии — географические, натурфилософские и др., источники которых в основном, наоборот, книжные). Аммиан не был популярен ни в древности, ни в Средние века, ни в эпоху Возрождения. Некоторые авторы конца IV — VI вв. читали его («История августов», «Эпитома о цезарях», св. Иероним, Кассиодор, Присциан), но почти никто не ссылаясь. При Каролингах Аммиана еще переписывают в монастырях Герсфельд и Фульда, после чего наступает забвение вплоть до начала XV в., когда фульдский манускрипт попадает в руки Поджо Браччолини. Первое издание осуществил Анджело Сабино в Риме в 1474 г.; первым научным считается базельское издание Геления 1533 г. В наше время чаще всего пользуются критическими изданиями К. Кларка (Берлин, 1905-10) и В. Зейфарта (Лейпциг, 1978). Существует русский перевод Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни, недавно переизданный под редакцией Л. Ю. Лукомского — в общем вполне удовлетворительный, несмотря на отдельные неточности.

Историография Аммиана весьма обширна. Можно отметить, что если в 1960-70-е годы доминировали исследования (в том числе монографические) по тем или иным частным вопросам², то в 1980-90-е настала пора для создания монументальных трудов энциклопедического характера. Это в первую очередь труды Ги Сабба³ и Джона Мэтьюза⁴, которые в известной степени подводят итог всему, что было сделано аммиановедами до того. Что касается исследований, близких по тематике к настоящей работе, т. е. стремящихся связать биографию и мировоззрение Аммиана с общен историческими явлениями его времени, то это, как правило, те исследования, в которых ставится вопрос о социальной и политической принадлежности Аммиана в связи с предполагаемой пристрастностью его труда. Вопрос этот был поставлен сравнительно поздно, так как для историографического стиля Аммиана весьма характерно демонстративное стремление к

² См., напр.: Blockley R. C. Ammianus Marcellinus. A Study of his Historiography and Political Thought. (Coll. Latomus 141). Bruxelles, 1975; Camus P. M. Ammien Marcellin, témoin des courants culturels et religieux à la fin du IVe siècle. P., 1967; Demandt A. Zeitkritik und Geschichtsbild in Werk Ammianus Marcellinus. Bonn, 1965.

³ Sabbah G. La méthode d'Ammien Marcellin: Recherches sur la construction du discours historique dans les Res Gestae. Paris, 1978.

⁴ Matthews J. F. The Roman Empire of Ammianus. London, 1989.

объективности. Оно долго вводило в заблуждение прежних историков, веривших в его полную «неспособность быть тенденциозным» (Ю. А. Кулаковский), но книга Эрнеста Томпсона, сделавшая эпоху в изучении Аммиана, развеяла миф о его простоте и чистосердечии навсегда⁵. Томпсон убедительно показал серьезную зависимость оценок историка не только от политической конъюнктуры времени написания его книги (в главе о Феодосии Старшем и Максимино), и не только от личных привязанностей (в главе об Урзике), но также и от его происхождения и социально-экономического положения (в главах о Галле и Юлиане). Аммиан, по мнению Томпсона, происходил из сословия куриалов Антиохии, и именно этим обусловлены его критические высказывания о действиях Галла и Юлиана, экономически ущемлявших антиохийскую курию или куриалов вообще. Мнение об Аммиане как о куриале Антиохии (основанное прежде всего на данных письма Либания) было принято более или менее безоговорочно большинством исследователей 1960-70-х гг., однако в 1980-е годы наметился пересмотр этих положений⁶, а в 1992 г. Чарльз Форнара подверг критике положение о куриальной принадлежности Аммиана в самой его основе⁷. В своей статье он убедительно показал, что письмо Либания, который называет своего адресата Марцеллина «нашим» (на основании чего и считали Аммиана Марцеллина антиохийцем и человеком из круга Либания) адресовано вовсе не историку, а другому лицу. Отвергает Форнара и все прочие – еще менее обоснованные, на его взгляд – свидетельства антиохийского происхождения Аммиана и его пристрастности в пользу курий. Сам историк идентифицировал себя как воина, *miles* (31.16.9), и именно в этом качестве его следует рассматривать прежде всего.

Глава I. БИОГРАФИЯ АММИАНА: ФАКТЫ И РЕКОНСТРУКЦИИ. В главе изложены с максимально доступной полнотой все данные, касающиеся событий жизни Аммиана Марцеллина. Поставлена цель расширить круг наших знаний о его жизни за счет привлечения новых источников и новых методов, а также осветить ряд вопросов, оставленных прежними исследователями в тени.

⁵ Thompson E. A. The Historical Work of Ammianus Marcellinus. Cambridge. 1947. См. также рецензию: Палякова С. В. // ВВ. 1956. 9. С. 296-300.

⁶ Bulla W. K. Untersuchungen zu Ammianus Marcellinus. (Diss.) München. 1983. S. 3-14; Elliott T. G. Ammianus Marcellinus and the Fourth-Century History. Toronto, 1983. P. 15-21; Matthews. The Roman Empire of Ammianus. P. 80-81.

⁷ Fornara Ch. W. Studies in Ammianus Marcellinus, I: The Letter of Libanius and Ammianus' Connection with Antioch // Historia. 1992. 41 (3). P. 328-344.

§ I.1. *История имени «Аммиан».* Поскольку известно, что Аммиан происходил из высокопоставленной семьи, вполне возможно, что кто-либо из его родственников упоминается и в других источниках. Ввиду отсутствия прямых указаний наш единственный критерий для их поиска – это имя, и прежде всего первая его часть – «Аммиан», т. к. Марцеллинов и Марцеллин слишком много (известно более 500 чел.). Имя Аммиан по происхождению – малоазийское теофорное, от имени богини-матери Аммы. Такие имена как Амма, Аммия, Аммис и др., главным образом женские, широко распространены в западной Анатолии (особенно во Фригии, несколько меньше – в Лидии и Карию). Латинский суффикс «-an-» часто служит для образования когноменов от имени матери; появление его, очевидно, связано с явлениями романизации в среде малоазийского населения, начавшимися в эпоху поздней Республики. Первый известный Ам(м)иан упоминается в письме Цицерона из Киликии в 50 г. до н. э. (*Cic. Ad Att. 6.1.13*). Во времена империи (вплоть до начала VI в.) имя довольно часто встречается как в малоазийских провинциях (район Смирны, окрестности Никомедии, Афродисия, Филадельфия), так и за их пределами (Галлия, Германия, Египет, Аравия, Сирия). Среди его носителей – высшие чиновники (*comes rei privatae*, префект Египта, презид Евфратенсис), мелкие служащие (писец, курьер), знатный муниципал, римский всадник, центурион, литератор, воспитатель, ремесленник, монах. Анатолийская этимология имени «Аммиан» указывает на родину предков историка, однако широкий территориальный и социальный разброс имени не позволяет нам с уверенностью судить (на одном этом основании) о родине и происхождении его самого. Для этого необходимы дополнительные данные, выявлению которых посвящен следующий раздел.

§ I.2. *Родина и социальное положение.* Дата рождения историка надежно устанавливается между 327 и 334 гг. Сам Аммиан идентифицирует себя как благородного (*ingenius*, 19.8.6) и грека (31.16.9). Первое из этих самоопределений подробно исследовано в § II.2; более конкретно социальный статус Аммиана определяется по сопоставлению с другими офицерами корпуса протекторов-доместиков, в котором он служил. Среди родителей этих людей – магистр конницы, комит доместиков и комиты *rei militaris*, т. е. высшие армейские и гвардейские офицеры. Скорее всего, и семья Аммиана Марцеллина принадлежала к военно-служилой элите империи. Что касается слова *Graecus*, то анализ употребления его Аммианом выявляет два типа контекстов, в которых оно встречается: во-первых, греческий язык, во-вторых, древнее и

мифическое прошлое Греции. В современных Аммиану событиях «греки» как культурная или религиозная общность («эллины» Юлиана), а не только лишь языковая, не фигурируют никогда. Текст «Истории» обнаруживает гораздо большую вовлеченность автора в римскую, а не греческую культурную традицию.

Место рождения Аммиана достоверно неизвестно. Долгое время его уверенно считали антиохийцем, однако в 1992 г. Ч. Форнара убедительно показал, что письмо Либания, на котором основана эта локализация, адресовано не Аммиану, а другому лицу⁸. Таким образом, у нас остается лишь текст «Истории», в котором нет никаких прямых указаний. На наш взгляд, Аммиан не называет своей родины потому, что он, во-первых, как служилый человек, «поднятый» благодаря системе иммунитетов и льгот над всеми местными связями, ассоциировал себя скорее с общеимперской военно-бюрократической машиной, чем с «малой родиной»; а во-вторых, как провинциал, переселившийся в Рим и написавший для римлян историю Рима, наверняка вполне сознательно избегал подчеркивать свой провинциализм. Анализ биографических данных, однако, показывает, что антиохийское происхождение Аммиана все же наиболее вероятно: так, он находился в Антиохии в юности (в 340-е гг.), а в период службы дважды – в 359 и 364 г. – именно в этом городе покидал свою воинскую часть, в то время как она проходила дальше. Кроме того, из немногочисленных Аммианов, известных за пределами Малой Азии, два человека – и притом современники Аммиана Марцеллина – связаны с Антиохией (курьер, ехавший в 360 г. из Антиохии в Киликию, и монах-отшельник из окрестностей города; см. *Lib. Ep. 233, Theodoretus. Hist. Relig. 4.1-2*). Вполне возможно, что они – родственники Аммиана Марцеллина, тем более что ни одна из других столиц поздней империи не дает такой группировки имени «Аммиан». Аргументы Ч. Форнары против Антиохии не слишком убедительны (помимо его мнения о письме Либания, с которым как раз можно согласиться). Итак, наиболее вероятно, что Аммиан – антиохиец анатолийского происхождения из семьи высокопоставленного офицера. При этом, однако, анализ текста «Истории» не выявляет у Аммиана пристрастий, связанных с принадлежностью к соответствующим социальным общностям; очевидно, стремление к объективности проявляется у Аммиана сильнее этих пристрастий, а значит, самоидентификация с данными группами для него не особенно значима.

⁸ Fornara. Op. cit.

§ 1.3. *Поступление на службу.* В 354 г. цезарь Галл вызвал магистра конницы Урзицина из Нисибиса в Антиохию; среди протекторов-доместиков его свиты находился и Аммиан Марцеллин (14.9.1). Это наиболее раннее свидетельство историка о себе; о предшествовавших событиях его жизни приходится строить догадки. Вступление Аммиана в корпус протекторов-доместиков (далее – ПД) вряд ли состоялось ранее 352 г., т. к. в 359 г. он еще служил в этом корпусе, а срок службы в нем составлял 5-6 лет. По некоторым косвенным данным можно заключить, что Аммиан начал службу еще до присоединения к свите Урзицина, т. е. при комитате Констанция II во время его войны с Магненцием. Корпус ПД был элитным гвардейским формированием, куда принимали поначалу лишь самых заслуженных солдат (каким Аммиан не мог быть по возрасту), а с середины IV в. все чаще – знатных молодых людей, имевших протекцию. Покровителем Аммиана не был Урзицин, т. к. из текста следует (15.5.2), что будущий историк не принадлежал к друзьям или родственникам магистра. Скорее всего, Аммиану протежировал знатный фессалоникиец Флавий Гипатий, брат императрицы Евсевии, о котором Аммиан прямо говорит как о своем друге (29.2.16). Констанций II женился на Евсевии в 351 или 352 г., примерно тогда же, когда Аммиан поступил на службу, и достаточно вероятно, что этот синхронизм не случаен.

§ 1.4. *Первые годы службы.* Годы службы при Урзицине (354-359 гг.) описаны в «Истории» достаточно подробно, и в этом разделе мы в основном пересказываем Аммиана с попутными пояснениями и критическими замечаниями. В 355 г. он сопровождал Урзицина в Галлию, где тому было поручено подавление узурпации Сильвана, а затем обратно на Восток. Повторное назначение Урзицина магистром конницы на Востоке связано с обострением римско-персидских отношений, истории которых в исследуемый период посвящен следующий раздел.

§ 1.5. *Рим и Персия в 353-359 гг.* На основании анализа сообщений Аммиана и скудных данных других источников выявлена сложная картина отношений между Римом и Персией в период перемирия. Курс Персии был направлен на возобновление войны с целью возвращения северной Месопотамии и контроля над Арменией, однако ее армия была связана на северо-восточных окраинах, где отражала набеги геланов и хионитов. Римляне, чьи силы были подорваны гражданской войной, стремились к миру. На протяжении 353-358 гг. Констанций отправляет к Шапуру ряд посольств с целью выиграть время дипломатическими проволочками. В 358 г. наметилась возможность мирного договора, но заключенный в это время союз с хионитами и бегство в Персию

хорошо информированного офицера Антонина подтолкнули Шапура к развязыванию войны. В соответствии с планом, предложенным Антонином, персидские войска вторглись в римскую Месопотамию.

§ 1.6. *Аммиан в римско-персидской войне 359 г.* Действия Урзицина и самого Аммиана описаны в «Истории» весьма подробно, однако ряд моментов требует реконструкции. Это, в частности, отдельные детали римских и персидских военных планов (без которых неясна картина ситуации в целом), и обстановка в сатрапии Кордуэна, где Аммиан выполнял разведывательную миссию. За исключением аналитических отступлений, посвященных этим вопросам, в этом разделе мы в основном следуем за текстом «Истории».

Здесь же исследовано влияние службы в корпусе протекторов-доместиков на мировоззрение Аммиана. Эта служба обогатила его опытом причастности, с одной стороны, к имперской военной машине, а с другой – к *conmilitio* Урзицина, т. е. к микрообщности, основанной на полуофициальных, полуперсональных связях (при тесном взаимопроникновении тех и других), и представляемой им как носитель коллективного разума.

§ 1.7. *Аммиан после 359 г.* После отставки Урзицина в 360 г. Аммиан практически не говорит о себе. Это объясняется, во-первых, тем, что он пишет о собственных делах лишь при вовлеченности в крупные события, и притом в одиночку (чего, очевидно, не было после 360 г.); во-вторых, реакцией на предполагаемую критику современников за излишние автобиографические подробности. Повидимому, нельзя точно установить, служил ли Аммиан в 360-363 г., и если да, то на какой должности – ясно лишь то, что он находился в Антиохии и не принимал активного участия в военно-политических событиях этих лет. В армии Юлиана он занимал какую-то должность рангом ниже командира легиона и турмы, т. к. не участвовал в императорских выборах, куда были приглашены офицеры вплоть до этого ранга. По сравнению с другими выходцами из ПД карьера Аммиана выглядит весьма скромно, что объясняется как отсутствием ярких военных заслуг, так и падением влияния его друга Гипатия после смерти императрицы Евсевии в 360 г. О службе Аммиана после персидского похода определенных данных нет, хотя можно предположить его участие в судебной комиссии 371 г. по делу о заговоре Феодора (в который он, возможно, был вовлечен и как участник), а также службу в гражданской или военной администрации Египта. Переезд Аммиана в Рим мы датируем 379 г. (городская префектура его друга Гипатия). В столице, кроме Гипатия, он контактировал с бывшим придворным Юлиана Евтерием и со знаменитым сенатором Претекстагом. В 384 г. по

случаю нехватки продовольствия в Риме он был выслан вместе с прочими иностранцами и, вернувшись предположительно около 387 г., принялся за работу над «Историей».

Глава II. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АММИАНА ОБ ОБЩЕСТВЕ (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ).

§ II.1. *Общие замечания.* Дана характеристика трудностей, связанных с изучением общественного сознания поздней античности. Один из наиболее важных для исследования феноменов позднеримского общества – это представления людей того времени об этом обществе и отдельных его структурах, а именно, о государстве, императорской власти, об отношениях Рима с провинциями и Рима с варварами, социальных верхах и низах, войне и мире, богатстве и бедности, законе и беззаконии, их память о прошлом и ожидания будущего. В работе ставится задача выявить эти представления в тексте «Истории» Аммиана. При этом мы ограничиваемся исследованием лишь некоторых из них, а именно: представлениями о знатности, об этнической структуре и о прошлом. Такой выбор определяется, во-первых, слабой изученностью именно этих аспектов его мировоззрения; во-вторых, тем, что их совокупность, несмотря на неполноту, оказывается достаточно репрезентативной, поскольку отражает главные стороны жизненного опыта Аммиана.

§ II.2. *Знатность.* Современная наука достаточно хорошо представляет себе, что такое позднеримская аристократия, однако что такое позднеримский аристократизм – как совокупность не только правовых и социально-экономических, но и социально-психологических, ментальных, ценностных, поведенческих характеристик – в настоящее время сказать непросто. Дать исчерпывающий перечень этих характеристик для общества Поздней империи так трудно, вероятно, именно благодаря тому, что разница между знатым и простолюдином была для самих людей того времени совершенно очевидной и не нуждалась в какой-либо рефлексии. Кроме того, позднеантичная аристократия была слишком неоднородной по своему составу, и вряд ли один общий перечень свойств, отличающих аристократа, может характеризовать сразу все многообразие ее фракций. Тем не менее мы все-таки считаем возможным говорить (в первом приближении) об «аристократизме вообще», то есть рассматривать некий комплекс признаков, общий для всей верхушки позднеримского общества. Аммиан Марцеллин к ней, безусловно, принадлежал, однако нас в данном разделе интересует не биография Аммиана как таковая, а его представления

об обществе и влиянии жизненного опыта (в данном случае опыта принадлежности к социальным верхам) на эти представления.

Несомненно, чувство глубокого различия между аристократом и простолюдином и самоидентификация с первым из них прочно коренились в сознании Аммиана. Об этом говорит не только явное презрение, с каким историк говорит о «праздной и ленивой черни», но и тот факт, что один из самых устойчивых топосов, употребляемых им при описании тех или иных бедствий (репрессий, нашествий и т. д.) – то, что они поражали людей «без различия высших и низших» (*nullo infimi summiq[ue] discrimine*); таким образом, социально-уравнивающий характер бедствия лишь усугубляет его жестокость (очевидно, в глазах как самого Аммиана, так и его читателей).

Но что же такое, собственно – знатность в представлении Аммиана? В нескольких местах «Истории» можно встретить перечни признаков, характеризующих принадлежность человека к верхам общества (18.10.1, 25.9.3, 27.11.1, 28.4.15). Эти признаки таковы: *genus, fama (gloria), potentia, fortuna, opes*. Для их адекватного перевода необходимо учитывать контекст. Так слово *genus* у Аммиана обычно означает просто «родство» без какой-либо качественной окраски. *Fama* – это «молва» и «слухи», упоминание о которых часто служит Аммиану в качестве риторического элемента повествования. Она, очевидно, равнозначна «славе», *gloria*, с которой иногда встречается в паре. *Potentia* употребляется обычно в значении «влияние», «могущество», а также «влиятельные, могущественные люди». Оттенок значения «сильный», «могущественный» (скорее чем «властвующий») имеют и соответствующие прилагательные *potens, potentissimus*. *Fortuna* означает не только «судьба» или «удача», но и «общественное положение», «сословие» или «ранг». Наконец, *opes* – это «имущество, достояние».

Итак, Аммианову формулу знатности можно, по-видимому, раскрыть следующим образом: человек знатен, если, во-первых, богат; во-вторых, имеет высокий ранг; в третьих, обладает влиянием, могуществом, властью, возможностью ставить других людей в зависимость от себя; в-четвертых, если молва повсюду разносит о нем славу; и, наконец, в-пятых – если он связан родством с другими, очевидно, обладающими тем же набором качеств, людьми. При этом последний из перечисленных признаков – родство, *genus* – похоже, является для Аммиана первым по значимости, так как упомянут им во всех характеристиках, в то время как остальные встречаются лишь по разу.

Прилагательные, которыми Аммиан характеризует то или иное лицо как знатное, чаще всего таковы: *nobilis* и *ingenuus*. Первое из них употребляется Аммианом вообще весьма широко и, на первый взгляд, его контекст не поддается какому-либо уточнению. Так, в разных местах этим прилагательным или его производными охарактеризованы императорская семья, римский сенат, высшее чиновничество, провинциальная знать, верхушка варваров, древние герои, но наиболее часто – знать вообще, без какой-либо конкретизации, обычно – в противопоставлении «простым людям» (*obscuri, infimi*). Для того чтобы выявить и понять специфику употребления Аммианом слова *nobilis*, необходимо вспомнить, что оно происходит от *nosco*, «знаю», и может означать также «известный, знаменитый, прославленный». В этих последних значениях – отнесенное не к людям, а к городам, странам и др. – оно тоже употребляется Аммианом довольно часто, но и человека Аммиан может назвать *nobilis*, чтобы обозначить его известность, а не только принадлежность к элите. Определение *nobilis* отражает в первую очередь такой аспект аристократизма, как известность, знаменитость. *Nobilis* – это тот, кого все знают о ком говорят. Это аристократ, как он виден извне; аристократ, как на него смотрит общество.

Несколько иной оттенок имеет прилагательное *ingenuus*. Проанализировать его тем более важно, что именно его – и только его – историк относит к самому себе: тайно выбравшись из только что взятой персами Амиды, к ночи Аммиан и двое его спутников достигли десятого милевого камня. «Немного отдохнув на этой остановке, мы продолжали путь, и, когда я уже был измучен слишком долгой ходьбой, как непривычный *ingenuus*, мне случайно попало на глаза ужасное зрелище, бывшее, однако, весьма своевременным облегчением для меня, страдавшего от сильной усталости» (19.8.6). Употребленное здесь слово *ingenuus* исследователи понимают несколько по-разному, так как оно может означать не только «благородный», но и «свободнорожденный». Нам, однако, кажется несомненным, что Аммиан говорит здесь именно о своей знатности, а не просто о свободном рождении. Это явствует как из контекста данного высказывания (Аммиан не привык к пешей ходьбе, а известно, что у позднеримских аристократов было не принято ходить пешком; он садится на коня, а его спутники продолжают идти и не меняются с ним местами), так и из анализа употребления историком слова *ingenuus* в других местах. Бросается в глаза, что оно неоднократно соседствует со словами корня *miser*: так, защитники Безабды жалеют знатных заложников (20.7.4), Урзицин жалеет знатного мальчика (18.6.10), а в перечне

жертв готского нашествия знатный человек вообще стоит в одном ряду с беременными женщинами, девушками, подростками и детьми (31.8.7-8). Оказывается, как ни парадоксально, что *ingenuus* у Аммиана – это тот, кто вызывает жалость и сострадание! Или – вернее будет сказать – это тот, чье положение дает ему больше прав на жалость, сострадание или особое внимание по сравнению с другими людьми: «Нет сомнения в том, что пока Рим был обиталищем всех доблестей, многие знатные люди (*plerique nobilium*) старались удержать при себе ... благородных чужеземцев (*ingenuos advenas*). А теперь многие в своем надутым чванстве считают низким (*vile*) всякого, кто родился за пределами городских стен» (14.6.21-22).

Таким образом, *ingenuus* – это характеристика, выражающая притязания аристократа на высокое положение среди других людей, на обладание более широкими возможностями, на общественное уважение и на особое сочувствие в тяжелых обстоятельствах. Если *nobilis* – это аристократ, как он виден извне и как на него смотрит общество, то *ingenuus* – это, напротив, аристократ, как он виден самому себе и как он смотрит на свое место в обществе. Последняя из приведенных нами цитат – о том, что римские *nobiles* должны хорошо принимать приезжих *ingenuos*, причем Аммиан откровенно ассоциирует себя со вторыми – весьма наглядно иллюстрирует это соотношение.

§ II.3. *Этническая структура.* В этом разделе работы мы исследуем употребление Аммианом различных этнонимов и на основании выявленных закономерностей делаем общий вывод о том, как представлял себе Аммиан этническую структуру современного ему мира и каким образом эти представления связаны с его жизненным опытом.

Наиболее часто Аммиан обозначает этнические общности разных типов словами *gens*, *populus* и *natio*. Как правило, все три слова взаимозаменяемы и употребление их не терминологично; слово *populus*, однако, имеет более широкую область значений, чем два других, т. к. слова *gens* и *natio* Аммиан применяет всегда исключительно к варварам и никогда – к римлянам или римским провинциалам, слово же *populus*, кроме варваров, может относиться также и к жителям Рима и других городов империи. Таким образом, оно является наиболее общим словом для обозначения этноса. Переходя к анализу изображения Аммианом конкретных этносов, прежде всего введем первичное деление их на варварские и внутриимперские, а среди варварских выделим этносы, непосредственно соседствующие с империей, и более отдаленные, не соприкасавшиеся с римской границей. При этом основное наше

внимание будет уделено именно этносам внутриимперской зоны, т. к. тема «Аммиан о варварских народах» освоена в науке достаточно хорошо, составляя странный контраст с темой «Аммиан о народах империи», которая, насколько нам известно, вообще никогда не формулировалась в таком виде. Кроме того, введенное нами деление отнюдь не абстрактно: оно отражает существенную разницу в восприятии Аммианом этносов этих зон.

В самом деле, дальние народы – это, в сущности, те народы, о которых *не знают* по личному опыту ни сам Аммиан, ни его устные информаторы, ни читатели. Информация о них (поскольку она вообще имеется) – это чисто книжная информация. Большинство этнонимов этого типа встречается только в географических экскурсах, чьи преимущественно книжные источники несомненны. Особенно показателен пример хионитов, геланов, сегестанов и кусенов. Эти восточноиранские народы играли важную роль в римско-персидских войнах 350-х гг. и, конечно, у Аммиана (а он сам видел их войска под стенами Амиды) они неоднократно упоминаются по ходу событий (16.9.4, 17.5.1, 18.6.22, 19.1.7, 19.2.3). Однако в описании стран Востока (23.6), сделанном по устаревшим картам или книгам, места ни одному из них не нашлось! Историку даже и не пришло в голову как-то согласовать в этом случае свой личный опыт и свои книжные знания. Что же касается конкретного содержания сообщений Аммиана о дальних народах, то, как правило, они упоминаются им в одном ряду с городами, горами, реками и т. д. В сюжете «Истории» они не участвуют, как военные и политические единицы Аммиана не интересуют – да он и не задается вопросом, существуют ли они вообще в современную ему эпоху?

Совершенно иначе обстоит дело с этносами – непосредственными соседями империи, с теми, кого Аммиан или его информаторы могли встречать непосредственно. Это персы, арабы, готы, аламанны, сарматы и др. Уже по одному этому перечню видно, что «История», собственно, и написана-то о взаимоотношениях римлян с народами этой зоны. Они воюют и мирятся, нападают и отступают, выдвигают претензии и покоряются, соблюдают и нарушают договоры и т. д. и т. п. Соседские этносы – это для Аммиана прежде всего активно действующие военно-политические образования.

Но, как уже говорилось, наиболее интересна для нас третья, внутренняя зона – народы, живущие внутри империи. Здесь можно выделить следующие подгруппы этнонимов: 1) жители крупных территорий – провинций, диоцезов, префектур и исторических

областей; 2) жители городов; 3) христиане⁹; 4) римляне. При этом различие между первыми двумя подгруппами оказывается несущественным: этнонимы того и другого рода встречаются в однотипных контекстах. Контексты эти таковы:

1) Этноним характеризует то или иное лицо (напр., префект Рима Вивенций – паннонец, 27.3.11);

2) этноним тождественен топониму, т. е. название народа употребляется для обозначения его страны (напр., Галл родился в Тусции, *apud Tuscos*, 14.11.27).

Подавляющее большинство этнонимов внутренней зоны употребляются именно в этих двух контекстах, а это значит, что по сути своей никакими этнонимами они для Аммиана не являются. За словами *Pannonius*, *Tuscos* etc. здесь стоят не этносы как человеческие коллективы со своей структурой, общими интересами, общей активностью и т. д., а лишь определенные территории. В иных контекстах внутриимперские этнонимы появляются реже. Они таковы:

3) Этнос может находиться в разнообразных взаимоотношениях с центральной или местной имперской администрацией либо с внешним врагом, причем, как правило, проявляет себя сугубо пассивно, лишь как объект насилия со стороны начальства или варваров. Наибольшее, что они могут сделать по своей инициативе – это направить жалобу императору, возбудить против наместника судебное дело или занять какую-то позицию по отношению к уже свершившимся событиям;

4) этнос может обладать своеобразными чертами культуры или национального характера;

5) этнос может разбойничать и бунтовать.

Только в последнем случае этнос проявляет активность. Во всех остальных он – либо пассивная жертва событий (контекст 3), либо принадлежит скорее этнографии, чем истории (контекст 4). Здесь внутриимперские этносы парадоксальным образом сближаются с дальними. Ближние народы, соседи империи, напротив, всегда активны; если же тенденцию к активности проявляют подданные империи, то они автоматически попадают в бунтовщики и начинают описываться Аммианом в тех же терминах, что враждебные соседи.

Но кто же, в таком случае, у Аммиана римляне? Прежде всего, *Romani* – это никогда не жители города Рима. Те называются *populus*

⁹ Рассмотрение их как этноса вполне правомерно не только потому, что сами они применяли к своей общности слово *ἔθνος* (впервые – 1 Пет 2:9), но и потому, что множество текстов свидетельствует о самосознании христиан как народа наряду с другими народами Земли (пусть и лучшего, и богоизбранного, но все же одного из народов).

Romanus или *plebs Romanus* и описаны, в. общем, в тех же категориях, что и народы провинций: они занимаются главным образом мятежами и всячески проявляют свой дурной нрав. Напротив, *Romani* – это, во-первых – воины, римская армия (во всех описаниях войн и сражений слова *Romani*, *milites* и *nostri* – взаимозаменяемые синонимы); во-вторых – власть, Римская империя. Стало быть, говоря «римляне», Аммиан подразумевает не все население империи, а лишь ее армию и служилую элиту, которую и отождествляет со всей империей – хотя, пожалуй, и не отдает себе в этом отчета. Особенно показательно, что при описании столкновения варваров с мирными жителями провинции Триполис последние называются триполитанцами, горожанами, крестьянами и т. д., но ни разу – римлянами (28.6). Таким образом, подданные империи проявляют свою «римскость» лишь во власти и в регулярной армии. Если провинциальные этносы описываются им сходно с этносами дальними (и те и другие, в сущности, сводятся к территории и культуре), то римляне больше похожи на этносы соседские (и те и другие суть активно действующие военно-политические образования).

Чтобы понять, насколько отвечает это представление реальной ситуации 2-й половины IV в., необходимо сопоставить Аммиана с другими источниками, причем мы получаем двойственную картину. В сочинениях историков и в правовых памятниках масса населения империи и впрямь предстает пассивной, жестко управляемой и способной выразить свой протест лишь жалобами и мятежами. В сочинениях же христианских писателей мы, напротив, имеем массу свидетельств живейшего интереса низов христианского этноса к тому, чем жили его верхи, включая самые отвлеченные богословские споры, а также постоянного и весьма осязательного в рамках церкви воздействия снизу вверх. Данную сторону общественной реальности Аммиан, как правило, враждебно игнорирует. Из всей бурной внутренней истории христианской церкви того времени в его труде отражены лишь два скандальных эпизода (15.7.6, 27.3.11-13), да и те помещены в рассказы о мятежах римского населения. Ясно, что Аммиан считает все эти распри среди христиан попросту недостойными его «Истории», и его нетрудно понять. Как еще должен был смотреть государственный человек, «римлянин» (в сформулированном выше смысле), на подобного рода активность подвластных народов, если он привык видеть их не более чем территориально-этнографическими единствами? Ее можно было лишь проигнорировать, отделаться несколькими презрительными фразами, что мы и видим в тексте «Истории».

§ II.4. *Историческое сознание.* В этом разделе мы исследовали представления Аммиана об историческом прошлом на основе анализа употребления им т. наз. *exempla* (примеров, образцов) – риторического приема, с помощью которого историк сопоставляет непосредственно описываемые им лица и ситуации с лицами и ситуациями прежних времен. Так, Юлиан был мудростью подобен Титу, славой Траяну, милосердием Антонину (16.1.4); император Валентиниан был безжалостен, не в пример Артаксерксу и Папирию Курсору (30.8.3-5); разбогатевший выскочка горделив, как будто он – Марцелл, только что взявший Сиракузы (28.4.23), и т. д. и т. п. В общей сложности нам удалось насчитать 169 случаев употребления *exempla*. Конкретные вопросы, которые мы ставим перед собой в этом разделе, следующие. Какие именно категории событий прошлого (прецедентов) Аммиан выбирает для сопоставления с событиями своего настоящего (назовем их «акцедентами»), а какие обходит стороной? И напротив, какие акцеденты «удостаивает» сравнением с прецедентами, а какие – «не достаивает»? Каковы взаимоотношения между ними? Какими способами производится сопоставление? Ответы на эти вопросы, получаемые более или менее простым подсчетом, послужат базой для постановки других вопросов более глубокого характера.

Начнем с исследования прецедентов и выработаем прежде всего адекватный принцип их классификации. Взяв за основу рубрикацию, использованную в «Памятной книжке» Ампелия и в «Изречениях царей и полководцев» Плутарха, мы классифицируем их следующим образом: 1) варвары; 2) греки; 3) македоняне и эллинистические правители; 4) римляне эпохи республики (до Августа включительно); 5) римляне эпохи империи. Чаще всего Аммиан использует в качестве прецедентов ситуации из «республиканского» и «имперского» классов, что говорит о предпочтении, оказываемом им римской традиции. Более интересно, что в некоторых случаях одному акцеденту соответствует несколько прецедентов; одно современное событие сопоставляется, таким образом, с несколькими старинными. Но любые ли прецеденты могут сочетаться в группе, соотношенной с одним акцедентом? После подсчетов здесь выявляются весьма любопытные и показательные корреляции. Оказывается, что имперские прецеденты встречаются практически только вместе с республиканскими (за единственным исключением), а республиканские, помимо того, с варварскими, греческими и македонскими, причем с той же частотой, что и все они между собою, и несколько реже, чем с имперскими. Выделенные нами классы прецедентов, таким образом, являют тенденцию к образованию своеобразных объединений. В

первое из них, обладающее довольно крепкой внутренней связью, входят республиканский и имперский классы; а республиканский класс, кроме того, входит и во второе объединение, вместе с варварским, греческим и македонским классами, связи между которыми уже заметно слабее.

В образовании этих объединений отражен достаточно глубокий пласт Аммианова исторического сознания. Первое, «римское» объединение (республика + империя), очевидно, отражает традиционное и все еще устойчивое видение мира разделенным на римский и неримский. В другое, более пестрое и рыхлое объединение (назовем его «всеобщим») входят вполне на равных правах варвары, греки и герои Римской республики, точно так же как на равных правах они помещены в разнообразных сборниках изречений, нравоучительных примеров и материалов для декламаций, образуя в совокупности определенный хрестоматийный набор. Все они выступают здесь скорее как достойные внимания знаменитости. Особенно любопытна в этой связи двойственность прецедентов республиканского класса, входящего, как это было указано выше, и в римское, и во «всеобщее» объединение. С имперскими прецедентами республиканские группируются в несколько ином контексте, чем с варварскими, греческими и македонскими. Римский контекст – это те или иные военные ситуации, а также примеры военных и гражданских доблестей (*virtus, aequitas etc.*). «Всеобщий» же контекст – это примеры добродетелей, так сказать, общечеловеческих (*prudentia, clementia etc.*), а также общие положения о превратности судьбы и т. д.

Итак, для Аммиана прошлое, взятое как источник материала для *exempla*, отчетливо распадается на два «фонда». Такое деление коренится прежде всего в его книжных источниках. Как правило, история императорского времени не излагалась позднеантичными авторами (кроме хронистов) вместе с неримской историей более ранних времен, а республиканская могла объединяться как с императорской, так и с современной ей неримской. Таким образом, информацию о «римских» прецедентах Аммиан черпал из одних источников, а о «всеобщих» – из других, что и обусловило описанную выше особенность в группировке *exempla*. Но и сама эта двоякость источников обусловлена не чем иным как разорванностью исторического сознания римлян имперской эпохи, ощущавших себя наследниками как римской полисной традиции, так и космополитической культуры эллинизма.

Однако эта разорванность мало-помалу уходила в прошлое вместе с принципатом и вместе со всей античной культурой, и начало этого процесса можно, если приглядеться, заметить и у

Аммиана. В самом деле, императоры и другие деятели их эпохи тоже появляются во «всеобщих» контекстах – однако только не вместе с «республиканцами». Оказывается, только лишь группировка имперских прецедентов с республиканскими включает их в традиционно-римский контекст; сами же по себе императоры уже также понемногу становятся хрестоматийными «знаменитостями». Но этот процесс завершится лишь в Средние века, вместе с окончательным разрушением традиционно-римского контекста. В IV в. ассимиляция имперской, «новой» истории риторическим «лексиконом прописных истин» еще не закончена, но общая тенденция сказывается и на Аммиане: события имперской истории стоят у него пока еще вне всеобщей хрестоматийной варварско-греко-македонско-республиканской смеси, но уже само их использование в качестве прецедентов говорит о том, что скоро вольются в нее и они.

Переходя к анализу прецедентов в их связи с акцедентами, мы не считаем плодотворным применять здесь тот же формально-классификационный подход. Значительно продуктивнее будет выделить здесь несколько отдельных сюжетов, обладающих особыми и своеобразными способами использования исторических параллелей, и исследовать эти сюжеты. Они следующие: 1) деяния Юлиана (кн. 15-25 и особенно 23-24); 2) вторая сатира на римлян (28.4); 3) война с готами (кн. 31). В данных частях сочинения сосредоточено около 40 % всех *exempla*; качественное же их значение, как это станет ясно, еще важнее количественного веса.

Деяния Юлиана. Ни один из героев «Истории» не удостоен такого количества *exempla*, как Юлиан (56 прецедентов на 21 акцедент). При их анализе прежде всего бросается в глаза сугубо военный и, в небольшой степени, моралистический колорит: так, он возвратил в битву бегущих солдат, как Сулла (16.12.41), разумно распределил воинские силы, как Александр (21.8.3), был подобен силой духа Эпаминонду (25.3.8) и т. д. Ни социальные, ни религиозные реформы Юлиана, ни доставивший ему диадему солдатский бунт не вызывали у Аммиана желания провести к ним какие-либо параллели. Любопытно, что военная деятельность других императоров тоже не вызывала такого желания. Вообще, что касается других императоров и лиц не императорского звания, то сравнительная редкость параллелей, проведенных к ним, вполне понятна. *Exempla* – прием «высокого стиля», и их глубинная функция – не столько сопоставление настоящего с прошлым, сколько приобщение его к вечному и неизменному. Юлиан-полководец в глазах Аммиана действительно заслуживает вечности;

а Юлиан-реставратор язычества и социальный реформатор – нет, не говоря уже об остальных персонажах «Истории».

Exempla, таким образом, возвышают случай до ранга события, выявляют во временном явлении его вневременную сущность. Рассмотрение следующего сюжета позволит познакомиться с одним своеобразным преломлением этой общей закономерности.

Сатира на римлян. В «Истории» имеется две главы бытописательно-сатирического характера, направленных против жителей города Рима (14.6 и 28.4). Вторая из них особенно насыщена *exempla* (14 прецедентов на 9 акцедентов): римляне так распушены, что город не очистил бы и сам Эпименид (28.4.5), сенаторы поклоняются заезжим блудницам, как парфяне – Семирамиде, а египтяне – Клеопатре; совсем не так это было в цензорство Катона Старшего, когда и собственную жену взбранилось целовать на людях (28.4.9), и т. д. В пестроте подобных *exempla* трудно, но все же можно выявить определенную закономерность: для этого необходимо соотнести, во-первых, рассматриваемый отрывок с предыдущим того же содержания (14.6), а во-вторых – их оба с тем, что мы доподлинно знаем о тогдашних нравах римской знати и о биографии Аммиана.

Давно уже было отмечено, что Аммиан в своей сатире крайне необъективен и сильно сгущает краски, что связано, возможно, с жизненной неудачей – провалом попыток утвердиться в высшем столичном обществе. Только в этой связи может быть объяснен странный факт небольшого числа (4 прецедента на 2 акцедента) параллелей в первой сатире по сравнению с их обилием во второй. Ведь если *exempla* – средство «поднять» достойный акцедент, взглянув на него *sub specie aeternitatis*, то они же – напротив, средство еще больше унижить недостойный акцедент, взглянув на него *sub eadem specie*. Стареющий Аммиан ко времени написания второй сатиры еще более озлобился на римский свет, чем это было во время написания первой. И весьма знаменательно, что в ней отсутствуют прецеденты из имперского класса, очевидно, еще недостаточно «высокие», еще слишком современные, «свои», чтобы этой же современности противопоставлять их.

Готская война. Единственная из ведущих не Юлианом, эта война, завершившаяся разгромом при Адрианополе, удостоилась *exempla*. Их не очень много (8 прецедентов на 5 акцедентов), но, что особенно интересно, почти все они «безличны», то есть – редчайший случай у Аммиана – сопоставляются между собой не отдельные лица, а целые народы и армии. Так, готы были многочисленны, как персы Ксеркса (31.4.6-7), Адрианопольская битва по кровопролитности могла сравниться только с Каннской (31.13.19), и

т. д. Во всех остальных книгах хотя бы один из двух элементов исторической параллели, прецедент или аксидент, непременно выстроен вокруг конкретной личности; книга 31 в этом отношении уникальна. Кроме того, *exempla* – второстепенный прием в ней; их мало и – за исключением одной – они производят впечатление случайных. Вот то единственное, на наш взгляд, достойное внимания место: «Не знающие древности утверждают, будто никогда не накрывал государство такой мрак бедствий; но они ошибаются, сраженные ужасом недавних бед. Если обратиться к древнейшим или недавним временам, то они покажут, что такие же и столь же печальные перевороты случались часто» (31.5.11). Далее следуют рассказы о кимврских, маркоманских и прежних готских (в III веке) войнах, рассказы, каждый раз завершающиеся победой римлян и изгнанием очередных варваров (31.5.12-17).

Все сочинение Аммиана – диагноз тяжелой болезни государственного организма империи; но мысль, что болезнь смертельна, что Рим не вечен, Аммиан принять просто не в состоянии. Слишком для этого глубоко он идентифицирует себя с государством, служению которому посвятил жизнь. Для него недопустимо думать, чтобы Адрианополь (всю подлинную катастрофичность которого он понимает больше чем кто бы то ни было) был чем-то окончательным и уже необратимым. И *exempla* испытанным способом вводят Адрианополь в «римскую вечность», делают его как бы очередным, а потому и преодолимым, неизбежным.

Итак, мы видели, что Аммиан обращается к истории, чтобы: 1) возвысить настоящее через ассоциацию с прошлым, 2) унижить настоящее по контрасту с прошлым, 3) оправдать настоящее параллелью с прошлым; эти три типа отношения к прошлому наиболее ярко выразились в рассказах о Юлиане, в римских сатирах и рассказе о готской войне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. В Заключении подводятся итоги исследования и суммируются основные выводы диссертации.

Приложение. ИМЯ «АММИАН» В НАДПИСЯХ. В этом разделе даны переводы 2 греческих и 4 латинских надписей с упоминанием имени «Аммиан», иллюстрирующие положения § 1.1 работы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. *Ибатуллин Р. У.* Аврелий Виктор и борьба за власть в Римской империи в 360-361 гг. н. э. // Вестник БашГУ. 1998. 1 (2). С. 32-36.
2. *Ибатуллин Р. У.* Некоторые аспекты массового сознания в поздней античности (по данным Аммиана Марцеллина). Препринт доклада. Уфа, 1999. – 26 с.
3. *Ибатуллин Р. У.* Исторические параллели у Аммиана Марцеллина // От древности к Новому времени (Проблемы истории и археологии). Сборник научных трудов. Уфа, 2000. С. 67-87.
4. *Ибатуллин Р. У., Круглов Е. А.* К биографии Аммиана Марцеллина: анатолийские корни и сирийские родственники // Там же. С. 87-102

Издательская лицензия № 150 от 21.04.99.
Подписано к печати 11.04.2000 г.
Формат 60х84^{1/16}. Бумага офсетная.
Усл. печ.л. 1,34. Зак. 05-2000. Тираж 100 экз.

Отпечатано методом ризографии в типографии НИИБЖД РБ.
Адрес НИИБЖД РБ:
450005, Республика Башкортостан,
г. Уфа, ул. 8 Марта, 12/1.

24